

ДЕМОНТАЖ ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

© ПАЛІТЫЧНАЯ СФЕРА
(ISSN 1819-3625) №4 (2005) стр.61-67

Татьяна Чулицкая

Государство всеобщего благосостояния (*welfare state*) — проект государственного устройства, подразумевающий обеспечение необходимого уровня благосостояния, по возможности, для всех граждан страны. Подобная трактовка этого понятия сразу же порождает множество вопросов. Критерии? Размер «необходимого уровня»? Источники обеспечения? Ответы на эти вопросы пытаются найти в государствах, которые придерживаются этой модели развития: в Швеции, Германии и др. Или же, наоборот, пытаются доказать несостоятельность подобного проекта и на основе этого развивать «минимальное» государство, которое оставляет проблемы благосостояния для самостоятельного решения каждого человека, провозглашая «равенство возможностей» для всех. Может ли государство всеобщего благосостояния функционировать в современном мире?

С середины 70-х гг. XX в. вследствие социальных, политических, экономических изменений в Западной Европе стали звучать высказывания о снижении доверия к государству всеобщего благосостояния, к его способности эффективно проводить внутреннюю и внешнюю политику, решать проблемы, возникающие перед его гражданами. Некоторые исследователи говорят о кризисе или даже демонтаже государства всеобщего благосостояния, о необходимости пересмотра и реформации его экономической основы. Другие, напротив, считают жизненно важным сохранение такого государства, поскольку только оно может выступать гарантом социальной защиты граждан.

В современных условиях существования свободного рынка труда и капитала каждый человек все больше подвергается определенным рискам, влияющим на его благосостояние и возможности социальной мобильности. Характерные черты современного типа рисков: риски не являются результатами деятельности тех групп, которые от них страдают, соответственно, эти группы не воспринимают риски как объективные обстоятельст-

ва; они могут вызывать опасные последствия для всего общества. Справиться с их последствиями может только государство, поскольку иные акторы не обладают достаточными ресурсами для такого вида деятельности. Для этого оно (государство) должно не только признавать, но и иметь соответствующую институциональную систему для предотвращения рисков [4, р. 184–185].

Гипотеза данной статьи: современное государство всеобщего благосостояния пребывает в кризисе, вызванном влиянием как внешних, так и внутренних социально-экономических и политических факторов, и если не будут приняты решительные меры реагирования в отношении этих кризисных тенденций, то вероятным видится постепенное вытеснение, а затем и демонтаж государства всеобщего благосостояния.

Определение понятий. В научной литературе ведется дискуссия относительно самого понятия государства всеобщего благосостояния и его содержания. Джон Вейт-Уилсон пишет о том, что нет общепринятого определения *welfare state*, и вообще сам английский термин практически лишен смысла [9]. Но для данной работы важно не столько точное определение самого понятия, сколько выявление признаков и критериев, по которым можно было бы оценивать функционирование государства всеобщего благосостояния. К таким критериям можно отнести:

- 1) То, насколько государство обеспечивает минимум реального дохода или социальную интеграцию для всех граждан на каждом этапе человеческой жизни;
- 2) Соблюдение государством соглашений о правах человека;
- 3) Насколько гражданам государства обеспечивается предоставление социальных благ;
- 4) Обеспечение каждому гражданину уровня благосостояния, совместимого с представлениями о минимальном достойном уровне жизни, и соблюдение прав человека [9].

Механизмом взаимодействия отдельного гражданина с государством в сфере обеспечения социальных гарантий является деление всего населения государства на три категории:

1. Граждане, не получающие право на дополнительную поддержку со стороны государства, поскольку они уже имеют необходимый уровень благосостояния, обеспеченный через рынок труда, товары, семью. Право на поддержку определяется по критерию минимального прожиточного минимума и стандартов уровня жизни, устанавливаемых каждым отдельным государством самостоятельно.
2. Граждане, которые не могут в достаточной степени обеспечить сами себя, и вследствие этого нуждаются в предоставлении того или иного рода дополнительных гарантий. Этим людям обеспечивается адресная поддержка, исходя из конкретных нужд и потребностей каждого отдельного человека.
3. Оставшиеся граждане, не попавшие ни в первую, ни во вторую группу. Они не могут обеспечить сами себя, но не соответствуют критериям, необходимым для того, чтобы государство признало их в качестве субъектов предоставления дополнительной помощи. Сюда же можно отнести и категорию граждан, которые получают помощь со стороны государства, но она является недостаточной для обеспечения их существования [4, p. 188].

Типология *welfare state*.

Либеральная, или англосаксонская, модель (Великобритания, США): в ней государственные обязательства сведены к минимуму, т. е. нуждающиеся сами должны защищать себя от бедности. Важная роль отводится индивидуальной предпринимательской деятельности и свободному рынку как средствам обеспечения благосостояния для большинства граждан.

Скандинавская, или социал-демократическая, модель (Швеция, Дания, Норвегия) представляет базисное обеспечение всем гражданам, которое финансируется за счет налогов. Признаки этой модели: универсализм и перераспределение доходов с помощью налоговой прогрессии. Ее цели: борьба с бедностью и обеспечение достойного жизненного стандарта всем гражданам, если они задействованы в системе занятости.

Континентально-европейское социальное государство (Германия, Италия), где действует система социального страхования, основанная на долевом отчислении взносов работающими и работодателями [17].

Г. Эспин-Андерсон предлагает иную типологию государств всеобщего благосостояния [1, p. 28–30]:

Универсальное, или социал-демократическое, *welfare state*. Его характеристики: универсальность и эгалитарный характер, предоставление социальных благ всем нуждающимся (Дания, Финляндия, Норвегия, Нидерланды и Швеция). В политической и экономической сферах эта модель выражается в следующих институтах: универсальная и пропорциональная система представительства, многопартийность; значительная доля государственного регулирования экономики; проведение политики обеспечения полной занятости.

Корпоративистское консервативное государство благосостояния. Признаки этой модели: историческая взаимосвязь с консервативной государственной традицией, программой социального страхования (Австрия, Бельгия, Франция, Германия и Италия). В политике и экономике — высокий уровень социального корпоративизма и электорального участия. Достаточно сильное регулирование отдельных секторов экономики. Распространение практики заключения трудовых соглашений между работодателями и рабочими на уровне отдельных предприятий.

Либеральное *welfare state* характеризуется умеренной или незначительной практикой государственного социального страхования, наряду с существованием хорошо развитой частной системы социального страхования, низким уровнем обеспечиваемой правительством социальной поддержки (Япония и Британия). Как правило, при этой модели существуют мажоритарная избирательная система, рыночная экономика, небольшой класс бюрократии. Государство такого типа обладает высокой способностью адаптации к экономическим изменениям [7, p. 61–68].

Функции *welfare state*:

1. Компенсаторная функция, или функция возмещения, которая подразумевает возможность компенсации населению неравенства в доходах и имущественном положении;
2. «Инвестиционная функция, которая служит созданию социальных предпосылок модернизации, развитию общественной инфраструктуры, образования и науки» [17]. При выполнении этой функции государство благосостояния выступает в качестве гаранта последующего развития социальной сферы;
3. Защитная функция, предусматривающая защиту от экономических рисков;

4. Функция распределения и перераспределения, обеспечивающая определенную долю благосостояния каждому отдельному гражданину;
5. Интегративная функция, обеспечение гомогенизации и единства общества. Необходимо отметить неоднозначность процессов гомогенизации, поскольку они могут приводить к стиранию всех различий. Но при существовании развитого гражданского общества эта опасность в значительной степени уменьшается.

Признаки государства всеобщего благосостояния. Признаки государства всеобщего благосостояния различаются в зависимости от политической системы каждой отдельной страны. Как пишет Ф. Фабрициус, «государство всеобщего благосостояния гарантирует, по крайней мере, минимум существования для каждого» [19, с. 49]. В качестве общих признаков можно выделить: перераспределение богатства; демократизацию; полную занятость; социальное партнерство; систему социальной защиты.

По определению шведского ученого Г. Майрдэла, «государство всеобщего благосостояния включает обязанности и обязательства государства во многих сферах экономического развития, например полную занятость, равные возможности для каждого, социальное обеспечение, т. е. гарантирование определенных уровней дохода, питания, жилья, здравоохранения и образования людей» [19, с. 47].

Внутренние противоречия развития современного welfare state. Государство всеобщего благосостояния, по мнению многих авторов, начинает утрачивать свою силу с середины 70-х гг. XX в. Можно выделить следующие явления, подтверждающие эту точку зрения:

Переход власти от социал-демократов к либеральным и консервативным силам. Это принципиально важная тенденция, поскольку эти силы, господствуя в политическом пространстве, проводят идею о том, что *welfare state* становится «слишком тяжелым» для экономики. Следовательно, провозглашается необходимость сокращения расходов на социальные нужды; уменьшение степени вмешательства государства в экономику, а по возможности, и замена государства благосостояния свободной конкуренцией и рынком как инструментами обеспечения благосостояния.

Разрыв между реальными потребностями и уровнем благосостояния, обеспечиваемым государством в процессе перераспределения, вызвал массовое недовольство и ряд социальных действий, направленных против подобного положения:

забастовки, снижение доверия со стороны адресных групп социального государства и др.

Кроме того, в группу граждан, которым государство обязано обеспечивать поддержку, *перестали включаться новые категории*. К. Оффе пишет, что в *welfare state* долгое время преобладала тенденция к «включению» различных категорий граждан в сферу своего действия, но в настоящее время эта тенденция не может продолжаться. Причинами невозможности дальнейшего проведения такой тактики являются: изменение характера рынка труда, безработицы; демографическое положение (старение населения); необходимость для государства покрывать растущий дефицит бюджета; неоднозначность при оценке экономического и социального эффекта социальной помощи. В силу этих и ряда иных причин электоральная поддержка программ, предлагающих расширение социальной базы государства благосостояния, маловероятна.

В последние десятилетия усилилась тенденция *реприватизации* и желания работодателей платить меньше налогов с доходов, а следовательно, снижаются налоговая база и поступления в бюджет.

Большое значение имеет *маргинализация*, или «*принцип дистанции*», при предоставлении социальной помощи. «Это касается патернализма, который включен в большинство систем социального обеспечения, в соответствии с которым от реципиента ожидают не обладания (привилегированными) гарантиями социального обеспечения, но следование «нормальному» стилю жизни» [4, р. 192–193].

В высокоразвитых индустриальных обществах имеет место размывание общности интересов, сплоченности и однородности рабочего класса. Это происходит в силу роста неравенства возможностей рабочих, обусловленного работой в менее или более престижных секторах экономики, регионом, где находится предприятие, и пр. Ввиду подобного неравенства пропадает общность интересов, следовательно, становится сомнительной возможность политического единства данного класса. В отношении перспективы политического участия следует отметить особую уязвимость людей, оказавшихся «за бортом» и своего класса, и государства, соответственно, никто не стремится выражать или поддерживать их интересы (правда, здесь нужно сделать оговорку о возможности выражения своих же интересов ими самими, без пассивного ожидания «руки помощи»). Современное общество в развитых индустриальных государствах становится все более гетерогенным, что также снижает возможность

социальной мобилизации и коалиций между различными социальными группами.

Кроме того, постоянно растет численность высокооплачиваемого среднего класса, представители которого не рассматривают государство как безальтернативный источник предоставления социальных благ и гарантий. Они пытаются найти альтернативные и менее затратные источники обеспечения своих социальных потребностей (обращение к частным пенсионным фондам, частной медицине и пр.). Интересна закономерность: чем выше статус и доход, который обеспечивает человеку *welfare state*, тем меньше этот человек хочет быть привязанным к этому государству. Получив свою порцию благ, он стремится отделиться от государства, которое требует от него помощи менее успешным согражданам. В политическом плане это выражается в тенденции поддержки партий, выступающих за ограничение государственного вмешательства в экономику, свободный рынок, уменьшение налогов для социальных нужд. Возможно, этой закономерностью частично объясняется снижение популярности социал-демократического проекта и возвышение неолиберального.

Наблюдается утрата доверия как к целям государства всеобщего благосостояния (предотвращение бедности, гарантии социальной безопасности, обеспечение общественного здравоохранения, образования и иных социальных благ), так и к средствам, используемым для их достижения (бюрократическому управлению и профессиональному вмешательству). Эти средства начинают восприниматься как попытка правящих групп укрепить свое положение и обеспечить свои потребности. Говорят об утрате государством всеобщего благосостояния «моральных» притязаний на право называться «прогрессивным» социально-политическим проектом, потому что оно не решает должным образом тех социальных проблем, ради которых создавалось: безработицы, предоставления социальных благ и гарантий и т. д. Растет разрыв между наиболее бедными и наиболее богатыми членами общества. То есть не происходит качественного улучшения уровня благосостояния всех граждан, развития проекта *welfare state*.

Можно выделить некоторые наиболее часто встречающиеся аргументы, которые звучат со стороны противников и критиков *welfare state*:

- чрезмерно высокая доля расходов на поддержание системы социальной защиты;
- порождение иждивенчества, завышенных ожиданий у граждан, получающих социальную защиту;
- экономическая неэффективность государства благосостояния;

- критика перераспределения как основного инструмента распределения доходов в обществе.

В ответ на критику государства благосостояния немецкий ученый Х. Ламперт, не отрицая, что оно нуждается в реформировании, дает следующие комментарии: обвинения в иждивенчестве отдельных социальных групп звучат, как правило, со стороны наиболее обеспеченных граждан, которые могут позволить себе прибегнуть в случае необходимости к альтернативным источникам предоставления социальных услуг. Неолиберальная установка на экономическую эффективность содержит в себе опасность экономизации общества, не принимает во внимание внеэкономическую сферу. При замене принципа распределения установкой на стартовое равенство возможностей для всех создается основа для признания неравенства как «нормального» момента экономического развития [17].

Можно сказать, что *welfare state* как достижение послевоенных обществ утрачивает политическую поддержку вследствие совокупности структурных изменений в экономической, политической, социальной, финансовой, культурной и иных сферах, а также вследствие утраты доверия к социальной политике как общественному благу. Граждане теряют доверие к этому институту, оценивая его практическую деятельность, что выражается в отказе от электоральной поддержки программ, выдвигающих идею всеобщего благосостояния.

Государство всеобщего благосостояния в условиях глобализации. Современное государство всеобщего благосостояния существует в условиях глобализации, влияние которой на государство оценивается разными исследователями диаметрально противоположно. Например, Д. Хелд выделяет три основных направления рассмотрения процесса глобализации и, соответственно, роли государства:

«Гиперглобалисты», с точки зрения которых в современном мире практически отсутствует необходимость существования государства. «Национальным правительствам отводится роль чуть ли не приводных ремней, обслуживающих мировой капитал, или, главным образом, всего лишь посреднических институтов, обеспечивающих связь между все более крепнущими местными, региональными и глобальными механизмами управления» [20]. В рамках такого подхода К. Охмае делает громкое утверждение, что «старое мнение — правительство должно защищать людей от эксплуатации — умирает очень медленно» [5, р. 190].

Согласно подобной позиции, в мире без границ больше нет необходимости в социальной защите, а попытки оградить государства от вхождения в мировой глобальный рынок, введение каких бы то ни было протекционистских мер для национальных производителей бессмысленны. Государство благосостояния не имеет смысла, поскольку мир радикально изменился.

«Скептики» говорят о преувеличении значения и роли глобализации. Ни государства, ни правительства не утратили своей роли, напротив, они являются основными акторами современного мира. Соответственно, ничего не говорится об изменении функций социального обеспечения.

«Трансформисты» придерживаются позиции, что государство по-прежнему обладает всей полнотой власти на своей территории, но все большее значение начинают приобретать нормы международного права и институты международного правления. Происходит трансформация и приспособление государства к новым условиям, вследствие чего будут изменены и адаптированы к новым условиям и его функции по обеспечению благосостояния [20].

Некоторые авторы придерживаются позиции, что государство всеобщего благосостояния как таковое в современном мире не только не утрачивает своего значения, но, наоборот, происходит его укрепление как гаранта соблюдения прав граждан. Происходящие в мировой системе процессы представляют угрозу только для так называемой «либеральной модели государства всеобщего благосостояния», а при других моделях («неоконсервативной» и «социал-демократической») государство ни в коей мере не перестает играть своей роли [7]. Глобализация не приводит к уменьшению роли государства благосостояния там, где существует государственное регулирование экономики, в то время как в неуправляемых рыночных экономиках доля социального обеспечения становится все меньше [7, р. 158]. Взаимосвязь международной экономики и государства всеобщего благосостояния различается в случае каждого конкретного государства.

Еще одна позиция — это признание кризисного положения современного государства благосостояния, которое проявляется в его уменьшающейся способности оградить национальную экономику от глобальной, а также в стагнации и инфляции, когда предпринимаются попытки это сделать [2, р. 30]. Вследствие кризиса происходит замена *welfare state* на нелиберальное *competition state* (конкурентное государство), а соответственно, и отказ от политики обеспечения социальных потребностей.

При анализе роли государства всеобщего благосостояния в современном мире необходимо принимать во внимание следующие положения.

Во-первых, в настоящее время имеет место двойственная тенденция в отношении суверенитета государства. С одной стороны, происходит отказ государства от полноты суверенитета и выполнения своих традиционных функций, а с другой, те государства, которые обладают достаточными ресурсами, активно противостоят тенденции девальвации суверенитета. Это означает, что изменение функций государства под влиянием процессов развития современной мировой системы (в том числе и в сфере социального обеспечения) происходит в большей степени в слабых и зависимых государствах периферии, чем центра. Государства центра в своих внутренних делах придерживаются идеологии проповедуемого ими «свободного рынка», только когда им это выгодно, в остальных же случаях возможной и даже необходимой выступает политика протекционизма. Государства периферии вынуждены под давлением со стороны господствующих государств следовать законам «рыночного развития», отказываясь при этом от проведения социальной политики, а соответственно, и от возможности позиционировать себя в качестве государств всеобщего благосостояния.

Во-вторых, усиливается влияние новых транснациональных акторов на функционирование государства. Эта тенденция также имеет две стороны: способствует ослаблению государств, но в то же время нуждается в них как в гарантах возможности своего существования и стабильности. ТНК не являются полностью надтерриториальными, они привязаны к определенным странам. Как пишет Н. Хомский, «ТНК в значительной мере опираются на государственные субсидии и внутренние рынки, а их международные сделки, включая торговые сделки, производятся преимущественно в пределах Европы, Японии и США» [22, с. 159]. В подтверждение этому можно привести тот факт, что 90% штаб-квартир ТНК находятся в странах Севера, а из пятидесяти крупнейших ТНК 27 (то есть 54%) имеют американское происхождение.

Необходимо отметить, что влияние ТНК на государство и его социальную сферу также носит противоречивый характер. Транснациональные корпорации рассматриваются и как способ распространения эксплуатации по всему миру, отказа от всяких социальных гарантий для работников, и как фактор, способствующий экономическому развитию, привлечению инвестиций и созданию новых рабочих мест в государстве. Однако бес-

печение социальных гарантий своим работникам со стороны корпораций, как правило, не является добровольным, происходит под давлением разного рода общественных объединений (профсоюзов, ассоциаций производителей, правозащитных организаций) и предпринимаемых ими активных действий (забастовок, манифестаций, судебных исков и пр.). Но все же на сегодняшний день наиболее вероятным сценарием поведения ТНК при приходе в развивающиеся страны является пренебрежение социальными гарантиями и экологическими нормами. Отсюда вытекает необходимость принятия политических решений для предотвращения подобного сценария. Основным субъектом, способным принимать такие решения в современном мире, является государство при поддержке институтов гражданского общества.

Само возникновение государства всеобщего благосостояния является результатом серьезной классовой войны. Оно формировалось в контексте борьбы трудящихся за свои права и, по всей видимости, будет существовать до тех пор, пока такого рода борьба будет вестись. «Свой нынешний вид «социальное государство» приобрело под воздействием крупнейшей во второй половине минувшего столетия стачечной войны и «контркультурных» бурлений молодежи на рубеже 1960–1970-х гг.» [15]. Только в условиях современного мира эта борьба вынуждена выходить за пределы национальных государств, противостоять транснациональной буржуазии, не имеющей различий по странам, абсолютно индифферентной к теме социальной защиты.

Тревожной тенденцией является происходящая кооптация элит Юга в мировую элиту. Складывается ситуация, в которой правительства *LDC* (*Least developed countries* — наименее развитые страны, терминология, принятая, в частности, ООН. — *Прим. ред.*), вместо защиты своих граждан, предпочитают вхождение в «высшие слои» мирового капитала, результатом чего является полная социальная незащищенность населения страны.

Под влиянием процесса глобализации можно говорить об изменении соотношения между территориальностью и привязанностью и возникновении феномена множественности гражданства. Если рассматривать эти явления в контексте государства благосостояния, это будет означать, что все больше людей живет за пределами государств, гражданами которых они являются, выпадая, таким образом, из сферы социального обеспечения. Конечно, эти граждане могут получать пенсионное обеспечение и некоторые иные социальные выплаты, проживая за пределами государства, но по большому счету обеспечением их благосостоя-

ния будет заниматься или не заниматься государство проживания. То есть **изменяется социальная база государства всеобщего благосостояния** вследствие частичного или полного исключения из нее проживающих за пределами этого государства своих граждан. Параллельно с этой тенденцией существует проблема возможности получения социальных благ для проживающих в нем граждан других государств, в первую очередь, мигрантов.

Одним из важнейших фактов, который становится очевидным при анализе влияния процесса глобализации на государство благосостояния, является то, что помимо государства в мире на сегодняшний день нет ни одного субъекта, который способен выступать гарантом социальных прав для своих граждан. Только государство может позволить себе такую экономически «неэффективную» деятельность как обеспечение благосостояния.

Заключение. Важной проблемой является то, что *welfare state* существует только в наиболее развитых индустриальных государствах Европы и Северной Америки. По сути, государства, не имевшие возможности для создания *welfare state* в период его возникновения и становления в развитых странах, сегодня точно так же не имеют такой возможности. Такое положение дел связано с тем, что, с одной стороны, у *LDC* нет достаточных внутренних ресурсов (как экономических, так и политических) для создания государства благосостояния. С другой, господствующая в мире неолиберальная модель глобализации, сложившееся мировое разделение труда и иные особенности современной мировой системы предполагают и навязывают этим странам принципиально иные модели социального, политического и экономического развития. Существование государства благосостояния требует поддержки национального производителя, обеспечения высокого (в идеале — полного) уровня занятости, возможности предоставления социальной помощи гражданам, социал-демократической (или, по меньшей мере, не неолиберальной) политики. Соблюдение этих условий для *LDC* в современном мире не представляется возможным.

Что касается *Most Developed Countries* (наиболее развитых стран) и существующих в них моделей *welfare state*, то очевидны тревожные тенденции, свидетельствующие о кризисном их состоянии (в каких-то странах — более, в иных — менее глубоко). На сегодняшний день кризис государства благосостояния наиболее остро проявляется в странах либеральной модели. Этот кризис менее выражен в социал-демократической и

корпоративистско-консервативной моделях. Но схожие явления прослеживаются везде, что выражается в снижении уровня жизни даже в странах-гегемонах (США, Японии, государства Западной Европы).

Пассивность и раздробленность наиболее нуждающихся в социальной поддержке общественных групп, а также растущая разнородность интересов рабочего класса и иных социальных групп, которые составляли (и в какой-то степени составляют) электорат социально-демократических сил, является опасной тенденцией. Поскольку без активной поддержки со стороны общества выход государства благосостояния из кризиса невозможен, альтернативой социал-демократическим партиям, вероятно, выступят новые социальные движения и партии неклассического типа, которые будут способствовать преобразованию и дальнейшему развитию государства благосостояния.

Что касается влияния глобализации на состояние современного государства, то оно имеет наиболее негативные последствия для государств периферии (правда, в этом случае речь не идет о государствах благосостояния). Государства центра в лице своих правящих классов получают выгоду от глобализирующегося мира — распространение своих ТНК, использование ресурсов и дешевой рабочей силы стран Юга. Правда, при этом государство всеобщего благосостояния подвергается все большей критике, поскольку своими требованиями перераспределения «тормозит» процесс получения прибыли. Следовательно, элита (так называемая «транснациональная буржуазия») пропагандирует и предпринимает всевозможные усилия для сокращения социальных расходов и гарантий. Если деятельности этих сил не будет противопоставлено сопротивление, то государство всеобщего благосостояния действительно будет демонтировано. Но нельзя сказать, что только транснациональный капитал несет ответственность за ослабление *welfare state*, поскольку (как было проанализировано в главе 2) в нем самом имеются кризисные тенденции, которые необходимо исправлять посредством проведения реформ.

Литература:

1. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. — Cambridge, UK: Polity Press, 1990.
2. *Global political economy: contemporary theories*. — London; New York: Routledge, 2000.
3. Hardt M. *The Empire*. — Harvard: Harvard University Press, 2000.

4. Offe C. *Modernity and the state: East, west*. — Cambridge: Polity Press, 1996.
5. Ohmae K. *The borderless world: power and strategy in the interlinked economy*. — New York: McKinsey and Company, Inc., 1999.
6. Sassen S. *Globalization and its Discontents: Essays on the New Mobility of People and Money*. — New York: The New Press, 1988.
7. *States in the global economy: Bringing domestic institutions back in*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
8. *The Study of Welfare State Regimes*. Ed. by J. E. Kolberg. — New York: Armonk, 1992.
9. Вейт-Уилсон Дж. Государство благосостояния: проблема в самом понятии // *Pro et Contra*. Т. 6. 2001. № 3.
10. Ильин М. В. Политические аспекты глобализации // *Проблемы глобализации. Материалы международного исследовательского проекта*. Т. 7. — М., 2001.
11. Иноземцев В. За пределами экономического общества. — М.: Academia; Наука, 1998.
12. Калас Ф. Дж. Собака, которая не залаяла: экономическое развитие и послевоенное государство благосостояния // *Pro et Contra*. Т. 6. 2001. № 3.
13. Кеннеди П. *Вступая в двадцать первый век*. — М.: Весь мир, 1997.
14. Коллонтай В. О неолиберальной модели глобализации // *МЭМО*. № 10. С. 3–13.
15. Левин И. Глобализация и демократия. <http://www.politstudies.ru/fulltext/2003/2/5.htm>
16. Мартин Г., Шуманн Х. *Западная глобализация: атака на процветание и демократию*. — М.: Альпина — Паблишер, 2001.
17. Мацонашвили Т. Проблемы рестройки социального государства в Западной Европе // *Pro et Contra*. Т. 6. 2001. № 3.
18. Пшевворский А. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. — М.: РОССПЭН, 1999.
19. Фабрициус Ф. *Права человека и европейская политика. Политико-правовое положение трудящихся в Европейском Сообществе*. — М.: Изд-во МГУ, 1995.
20. Хелд Д., Макгрю Э. Глобальные трансформации. <http://www.politizdat.ru/fragment/16/>.
21. Хомский Н. *Классовая война*. — М.: Праксис, 2003.
22. Хомский Н. *Прибыль на людях*. — М.: Праксис, 2002.